

Проходя мимо чистильщика велосипедов, который, опустив голову, работал с руками, испачканными в машинном масле от цепи, Чэн Лан остановился у дверей закуской. Цзян Дун, ещё за несколько метров уловив аромат сяолунбао, поднял взгляд и увидел вывеску «Гранд-отель "Синьсинь"». Он с удивлением приподнял бровь:

— Здесь будем есть?

Вывеска «Гранд-отеля "Синьсинь"» была огромной, висела рядом с табличками чистильщика велосипедов и портного, выделяясь на фоне остальных ярко-красным фоном и крупными жёлтыми иероглифами. Даже бабушка с плохим зрением смогла бы её разглядеть. В отличие от скромных соседних вывесок, она выглядела вызывающе. Цзян Дун, наклонив голову, заглянул в не слишком чистые окна отеля и прикинул, что пространство внутри едва ли больше двух комнат общежития.

Надо признать, «Гранд-отель "Синьсинь"» выглядел как типичное воплощение показной роскоши.

Между тем Чэн Лан, сделав длинный шаг, первым направился к отелю, отвечая Цзян Дуну действиями, а не словами.

На экране телефона температура показывала один градус. Цзян Дун подумал, что, видимо, правда, что деревенские жители не боятся холода. Из-за узкой улицы перед отелем едва поместились пять деревянных столов, стоящих так близко друг к другу, что даже чихнуть было сложно, не задев соседнего дедушку.

Чэн Лан сначала зашёл внутрь, чтобы сделать заказ, затем обернулся:

— Холодно? Может, поедим внутри?

Цзян Дун не боялся холода, ему скорее хотелось спросить, не холодно ли самому Чэн Лану.

Словно угадав его мысли, Чэн Лан вдруг улыбнулся, поправил шарф, обнажив худой и аккуратный подбородок:

— Мне не холодно. Давай поедим снаружи, скоро здесь станет шумно.

Цзян Дун согласился.

Несмотря на показной вид, «Гранд-отель "Синьсинь"» обслуживал посетителей довольно быстро. Возможно, потому что завтраки были уже готовы и просто подогревались в котле. Как только предыдущий клиент сделал заказ, следующий уже получал свой поднос.

Чэн Лан не спрашивал Цзян Дуна, что тот хочет, но, зная его характер, наверняка заказал всё, что смог. На столе появилась миска вонтонов, тарелка тофу, а также разнообразные закуски: сяолунбао, лепёшки, жареные пирожки, кунжутные шарики и яичные рулеты.

Цзян Дун без лишних слов взял себе миску с креветочными вонтонами, уже заправленную уксусом. Достал одноразовые палочки, потёр их в руках и, подумав, взглянул на Чэн Лана:

— Ты тут часто ешь?

Чэн Лан приподнял бровь:

— Откуда знаешь?

Цзян Дун промолчал, только засмеялся, а затем опустил голову и продолжил есть.

Чэн Лан смотрел на него и невольно вспомнил, каким Цзян Дун был, когда они только познакомились. Тогда он был совсем другим.

Тогда он был крутым парнем.

Сейчас... иногда он таким бывает, но чаще просто раздражает.

Может, стоит дать ему новое прозвище — хулиган.

Раньше чаще всего он видел на лице Цзян Дуна полное отсутствие эмоций. Холодный, надменный взгляд, который словно говорил: «Не связывайся со мной». Он смотрел так, что любая попытка завязать разговор заканчивалась провалом.

Когда же всё изменилось?

Неизвестно.

К тому времени, как они доели половину завтрака, солнце уже встало, и улица оживилась.

Цзян Дун, сидевший спиной к улице, внезапно почувствовал, как что-то упёрлось ему в поясницу. Он вздрогнул, словно его ударило током, и резко наклонился вперёд.

Чэн Лан, испугавшись, уронил ложку на край миски. Не успел он спросить, что случилось, как услышал громкий смех проходившей мимо женщины.

— Ой, простите, молодой человек, не ушиблись?

Чэн Лан обернулся и увидел, что она несла пакет с сахарным тростником, из которого торчал один из кусков.

— Всё в порядке, — сказал Цзян Дун.

Женщина не стала спрашивать, почему он так и не повернулся к ней, просто сказала:

— Ну ладно, с Новым годом!

И пошла дальше.

Чэн Лан посмотрел на Цзян Дуна, но тот, казалось, ничего не случилось, и он спокойно съел ещё один сяолунбао, затем заметил взгляд Чэн Лана и спросил:

— Что?

Чэн Лан не сдержал смеха:

— Ничего.

Цзян Дун посмотрел на него с недоумением, затем вернулся к еде.

Когда они вернулись домой, дедушка уже почистил трёхколёсный велосипед и поставил на него тележку, полученную в подарок на распродаже в супермаркете. Сам он сидел в доме и развлекался с птицами.

Майна уже подружилась с чижом, которого дедушка назвал Купюра, потому что птица выглядела дорогого.

Он действительно не мог оторваться от Купюры, и майна Доудоу за последние дни совсем загрустила, смотря на дедушку с обидой, словно на изменника.

Увидев, как Чэн Лан и Цзян Дун зашли во двор, дедушка вышел из дома и поспешил их:

— Наконец-то вернулись! Если бы вы не пришли, я бы уже пошёл искать вас. Давайте быстрее, я поеду на велосипеде, а вы тяните тележку, чтобы успеть купить свежие овощи!

Снова выйдя на улицу, они миновали деревню и фабрику полотенец, выйдя на рынок.

Дедушка уже приготовил список покупок и, словно гонщик, быстро растворился в толпе. Он отправился за овощами сам, оставив Чэн Лана и Цзян Дуна гулять и покупать, что захотят, чтобы потом всё можно было поставить на стол.

Последний перед Новым годом рынок был гораздо оживлённее обычного. Многие пришли целыми семьями, с детьми и стариками, смеясь и болтая, словно соревнуясь в радости.

Когда тётя узнала, что Цзян Дун собирается встречать Новый год один, она категорически отказалась это допустить. После того как он уехал на каникулы, она звонила ему раз за разом, настаивая, чтобы он приехал к ним праздновать, боясь, что он будет одинок. Но потом, узнав, что он поехал с Чэн Ланом в деревню, она не смогла сдержать улыбки. Она не знала, как Цзян Дун ведёт себя вне дома, но подозревала, что он мало отличается от того, каким был перед ней. Не любил заводить друзей и гулять, а теперь, услышав, что он подружился с соседом, она была в восторге.

Чэн Лана она знала хорошо. Они были соседями уже три года, и он действительно был замечательным человеком. Скромный и вежливый, настоящий джентльмен с изысканными манерами. Она только молилась, чтобы Сяо Маньтоу, когда вырастет, стал хотя бы наполовину таким.

Тем временем Цзян Дун и Чэн Лан гуляли по рынку. Деревенский рынок был большим, с аккуратными рядами лавок, которые стояли близко, но не тесно. Дорога между ними была достаточно широкой, но сегодня, из-за наплыва людей, они, высокие и заметные, привлекали к себе немало внимания. Цзян Дун чувствовал себя неловко, зажатый в толпе, и, чтобы отвлечься, начал разговор с Чэн Ланом.

Собираясь что-то сказать, он вдруг заметил вдалеке трёхколёсный велосипед у мясного прилавка. Присмотревшись, он увидел, что это был их дедушка, который с азартом выбирал мясо. У каждого прилавка был большой зонт, защищающий от солнца, и под красным зонтом дедушка выглядел особенно ярко.

Повернув голову, он показал глубокие морщины на лице и чёткие шрамы на лбу.

И вместо задуманного вопроса Цзян Дун спросил:

— Откуда у дедушки шрамы на лбу?

Чэн Лан, идя рядом и тянув тележку, ответил:

— Это от птицы.

— ...Какая птица такая злая?

— Та майна, которую мы отдали.

— А...

Цзян Дун кивнул, затем нахмурился:

— Но разве она не была спокойной?

— И заяц, если его загнать в угол, укусит.

Цзян Дун заинтересовался, что же дедушка сделал с майной.

Лёгкие времена проходят быстрее, и вот уже наступил канун Нового года.

Чэн Лан и Цзян Дун были разбужены рано утром бабушкой, которая велела им пойти к воротам и повесить новогодние украшения. Дедушка уже приготовил кастрюлю с клейстером и поставил её на подготовленный табурет у входа.

Цзян Дун, глядя на серо-белую липкую массу в кастрюле, подумал, что она похожа на крахмал. Впервые он видел, как таким способом клеят украшения, и, заинтересовавшись, решил остаться на земле, чтобы мешать клейстер кистью, пока Чэн Лан, стоя на табурете, будет вешать украшения.

<http://bllate.org/book/15499/1374896>